

18+

Татьяна Степа

ТРИ ЧЕМОДАНА

Юмористические рассказы и
авантюрные истории

Татьяна Степа
Три чемодана.
Юмористические рассказы и
авантюрные истории

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63523478

ISBN 9785005194176

Аннотация

Сборник юмористических рассказов с элементами фантастики, сюрреализма и футуристических идей. Для молодежи, для совсем не молодежи и опытных бойцов по жизни, повидавших многое на своем веку. Гид по книге: ныряние в детство, купание в молодости, пребывание в компании со зрелостью, посещение деревни на пять минут отдыха и города для участия в разного рода мероприятиях. В сборник входит авантюрно-детективная история «Зонт для Вероники» и комедийная пьеса.

Содержание

Морковка	5
Памятник	10
Из дневника Беллы петуховой	19
Иван Царевич в поисках, или Коктейль 2119	25
Василий Необыкновенный	29
Артистка	38
ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СИМПОЗИУМЕ	45
Западня	47
Настя – Краса России	49
Песня	58
Американское кино	63
Конец ознакомительного фрагмента.	66

**Три чемодана
Юмористические
рассказы и
авантюрные истории**

Татьяна Степа

© Татьяна Степа, 2021

ISBN 978-5-0051-9417-6

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Морковка

На центральной улице маленького городка появились две примечательные личности. Он был одет во все черное, запачканные пряди волос зеленоватого цвета торчали в разные стороны. Худой и высокий парень как будто нес на ногах огромные ботинки с пузатыми носами и массивными каблуками. В ноздре серебрилась кнопка, а с брюк свисала толстая металлическая цепь.

Девушка рядом с ним впечатляла яркими контрастами: оранжевое пальто до колен, зеленый шарф, черные сапоги на высокой шпильке. Короткие соломенные волосы, собранные в торчащий хвостик, украшали крупные разноцветные бусинки.

Прохожие оборачивались, но пара никого не замечала. Они подошли к киоску, искали мелочь в карманах, и, молча, высыпали ее на ладони. Собрав нужную сумму, парень протянул горсть продавщице:

- Вейс и морковку, – уверенно заказал он.
- Чего? – не поняла продавщица.
- Напиток Вейс и морковку, – повторил парень.
- У нас такого нет.
- Ну как же, – вмешалась девушка. – А это что?

Она ткнула в витрину, где в стройном ряду банок и пластиковых бутылок возвышался напиток со странным назва-

нием «WS».

– А, извините, недавно привезли, – продавщица нашла коробку и вытащила непонятный напиток. – А морковка тогда что.

– Морковка – это морковка. Для нее, – уточнил парень, кивая на девушку.

Она тоже кивнула.

– У меня овощей нет, – начала оправдываться продавец.

– Морковка – это не овощ, – заявила девица ошарашенной продавщице.

– Да? А что же это?

– Морковка – это позитив вижн.

Продавщица ненадолго задумалась, не издеваются ли, потом решила не связываться и довольно миролюбиво произнесла:

– Понятно. У меня нет такого.

– Вы не поняли. Позитив вижн – это радостный взгляд на жизнь.

Девушка не унималась, похоже ей было что-то нужно. Но она не могла выразить, что именно.

– Радугу фруктовых ароматов могу предложить, – продавец показала драже в яркой упаковке.

– Это не еда, – девушка стала настойчивой. – Это энерджайзер для жизни.

– Вы что... нездешние? – вырвалось у продавщицы в последний момент подходящее слово. Очень уж хотелось ска-

зять, какими на самом деле они ей кажутся. Сейчас на каждом углу... Да что там...

– Не здешние. Мы с планеты Утила. Дадите морковку?

– Если б знать еще, как вам ее дать, – усталая продавщица отодвинулась вглубь киоска, в ожидании, когда от нее отстанут.

– Очень просто, – девушка подошла ближе. – Нужно кивнуть и улыбнуться. Сегодня погода серая и люди очень мрачные. У меня энерджайзер падает.

Продавщица присела, чтобы получше рассмотреть в окошко странную пару, подумала и улыбнулась во весь рот.

– Что еще надо сделать? – уточнила она сквозь зубы, удерживая улыбку.

– Кивнуть.

– Ки-ва-ю, – на всякий случай сказала продавщица, два раза качнув головой. – Достаточно? Как ваш энерджайзер?

Парень повернулся к девушке, рассматривая что-то на ее пальто. Поправил кнопку и удовлетворенно кивнул.

– Не очень, но на какое-то время хватит.

В это время появилась компания. Трое молодых людей, смеясь, остановились у киоска.

– Ты что будешь? – спросил один, толкая другого.

– Да все то же.

Третий во все глаза смотрел на девушку. Потом очнулся и направился к своим. Странная пара собралась уходить. Уже повернувшись спиной, они слышали приглушенный

шепот: «Смотри, какая морковка!» и залиvistый веселый смех.

– Морковка, – сказала девушка.

– Морковка, – повторил парень в черном.

Он проверил заряд кнопки – топливо было в порядке.

– Надо заплатить, – сказал парень и подошел к компании.

Он вынул из кармана монеты и протянул им.

– Это что? – спросил один.

– Плата за топливо. Спасибо.

Молодые люди переглянулись.

– Морковка, – пояснил парень в черном.

Девушка встала рядом и приветливо кивнула.

– Извините, мы не думали, что вы услышите, – нехотя сказал один из ребят. – Неудобно получилось.

– Это была хорошая морковка, – парень продолжал настойчиво протягивать деньги.

Ребята снова переглянулись и растерянно посмотрели на продавщицу, которая практически уже вылезла из окошка.

– Такая морковка у нас пока бесплатная, – заявила продавец. – Приходите ещё, отоварим.

И она снова растянула губы в улыбке.

Парень в черном поклонился и, взяв под руку девушку в оранжевом пальто, медленно повел ее по сверкающей новогодней улице. Лица их сияли и переливались, – то ли от неоновых вывесок и гирлянд, то ли от заряженного энерджай-

зера.

Памятник

Иногда из ничего – получается что-то!
А если попасть в эпоху экспериментов —
то даже можно замахнуться на шедевр.

В город Руйск неожиданно приехала областная комиссия. Члены комиссии долго ходили по городу, качали головами, чем приводили местных жителей в состояние крайнего беспокойства. Наконец, комиссия собралась на главной площади (по периметру которой располагалась маленькая и довольно ухоженная лужайка), измерила эту площадь и удалилась.

Местные жители, после отъезда комиссии, выбежали на улицу. Собравшись на площади, они пытались понять, что происходит и чем это может для них закончиться.

Через пару часов собралась целая манифестация. Жители города заполонили всю улицу, и началось активное обсуждение. В ходе дебатов выделился активный лидер – Семен Семеныч Крольчак, из местной службы бытового обслуживания. Он вызвался прорваться к органам местной власти и все разузнать. Толпа затихла, с уважением глядя на смельчака, и осталась на месте ждать его возвращения.

Семен Семеныч прошел два квартала и свернул к зданию

администрации города. Белые свежевыкрашенные колонны поблескивали на солнце еще влажным перламутром. Пожалуй, это было единственное здание во всем городе по уровню вложенных в него денег. На фоне серых неумытых домов оно сияло своей царственной красотой, и Семен Семеныч даже невольно замедлил шаг, подходя к дверям.

Набравшись решимости, он глубоко вдохнул и, нахмутив брови, вошел в здание.

– Я – представитель общественности, – сказал он охраннику, молча уставившемуся на него. – Мне надо узнать по поводу комиссии в городе. К кому мне обратиться?

Охранник пожал плечами и кивнул на телефон, прикрепленный к стене.

– Звоните.

– А кому звонить? – спросил Семен Семеныч, подходя к телефону.

– А я откуда знаю? Вон, там номера все прописаны. Вот и звоните.

Семен Семеныч принялся изучать список на стене. Один за другим перечислялись фамилии, должности и названия отделов и подразделов, еще подразделений и служб.

Взяв трубку, он набрал наугад телефон какого-то технического исполнителя.

– Я по поводу комиссии, – начал он.

– Это не к нам, – ответили ему и повесили трубку.

Семен Семеныч поискал глазами еще раз все отделы

и подотделы и решил набрать кому-нибудь повыше должностью. Отдел благоустройства показался ему наиболее подходящим.

– Я по поводу комиссии, – опять начал он, и затих в ожидании ответа.

На другом конце провода последовало молчание. Потом человек вздохнул, выдохнул и что-то буркнул.

– Простите, я не понял? Можно к вам подняться?

– Поднимайтесь, – сухо ответили ему.

– А куда?

– Второй этаж, двадцать шестая комната.

Обрадованный Семен Семеныч побежал к охраннику.

– Паспорт, – грубо остановил его тот.

– Сейчас, сейчас, – Семен Семеныч выудил свой потрепанный паспорт из портфеля и в нетерпении ждал, пока охранник перепишет его данные.

Затем, практически выхватив свой паспорт из рук охранника, он вприпрыжку побежал к лестнице. Охранник посмотрел ему вслед, закатил глаза и вернулся к разгадыванию кроссворда.

Поднявшись на второй этаж, Семен Семеныч остановился, чтобы перевести дух. Он пригладил растрепавшиеся волосы и уже степенно и важно подошел к нужной двери.

– Здравствуйте, – учтиво сказал он, приоткрывая дверь.

В кабинете сидел довольно упитанный господин с квадратным лицом, и больше никого не было, что придало Семен

Семенычу уверенности, и он вошел.

– Садитесь, – устало сказал упитанный.

– Я по поводу комиссии, – снова напомнил Семен Семеныч, присаживаясь на стул.

– Да я понял, понял.

Последовало продолжительное молчание.

– Ну, так что решили? – задал наводящий вопрос Семен Семеныч.

– А что тут решишь? Что только не придумают, – и тут господина словно прорвало. – Вот откуда я им столько людей наберу, чтобы успели за два месяца придумать эскиз памятника в стиле современности, вылепить его и поставить? Да еще за мизерные деньги, бюджет, понимаешь ли! Да из этого только один палец слепить можно! Это кому же он там понадобился, мать вашу так... Извините, – опомнился он, – а вы с чем, собственно?

– Ну, так я как раз по этому вопросу.

– И что? Предложения есть?

– Будут предложения, – заверил Семен Семеныч, – общественность поможет. Она уже, знаете ли, вся в сборе.

– Это хорошо, – устало протянул господин. – А вы кто сами будете?

– Я? Я, это, по быту я, заведую, по ремонтной части.

– Плотники есть?

– Все, кто нужно есть.

– А эти, художники или как их... архитекторы?

– Скульпторы? – подсказал Семен Семеныч.

– Точно.

– Найдем.

– Ну что ж, очень хорошо. Давайте, тогда так. Я официально поручаю вам заняться этим делом. Вот мои телефоны, звоните, если что понадобится и, значит, эскизы должны быть как можно скорее.

– Будет сделано, – закивал Семен Семеныч. Гордый от порученного ему дела, с бумажкой в руке, он важно прошел мимо затуманенного взгляда охранника и, оказавшись на улице, побежал на площадь.

Народ радостно выдохнул, дождавшись своего гонца, и замер, ловя каждое его слово.

– А какой памятник? – раздался, наконец, вопрос из толпы, и люди опять замерли в ожидании.

– Нужно придумать в стиле современности – ответил Семен Семеныч. – Вот кто что придумает, все предоставим, и там отберут.

– Как интересно, – воскликнула Анфиса Андреевна, домохозяйка с тремя детьми. – А всем можно поучаствовать?

– А почему же нельзя? Всем можно. Кто рисовать умеет особенно. И еще нужен скульптор, или хотя бы кто лепкой занимался.

– Я занимался, – вышел вперед молодой угловатый юноша с длинными- предлинными руками.

Осмотрев его с ног до головы, Семен Семеныч одобри-

тельно произнес:

– Очень хорошо. Сможешь вылепить памятник?

– А чего не смочь-то? Гипс дадите – вылеплю.

Взбудораженная толпа двинулась по своим домам. Все хотели поучаствовать в конкурсе. Даже те, кто не умел рисовать засели за листком бумаги, описывая, что бы они хотели изобразить.

На следующий день, ближе к вечеру, не сговариваясь, толпа собралась снова. Все принесли свои зарисовки или записки, заботливо сложенные в конверты. Семен Семеныч тоже уже был здесь. Как-то так, после работы решил прогуляться через площадь. Площадь сейчас притягивала многих.

Опять прошел небольшой митинг, все сдали свои конверты, и Семен Семеныч на следующее утро отправился в администрацию. Визитная карточка Бутузова Виталия Борисовича, из отдела благоустройства, лежала у него в пиджаке.

Виталий Борисович хмуро посмотрел на мешок с конвертами, затем на Семен Семеныча:

– Ну, и что вы мне принесли?

– Заявки, эскизы.

– Вы представляете, сколько мне это разбирать?

– А кому тогда? – поинтересовался Семен Семеныч.

– Нет, так не пойдет. Давайте, отберите три стоящих работы, хотя бы. А лучше – одну, и принесете на утверждение.

– Хорошо.

Семен Семеныч заспешил прочь, разнося весть о срочном

народном собрании. Взяв ручку и листок бумаги, он встал в центре лужайки и предложил каждому высказаться и общим голосованием решить, какой же памятник должен здесь стоять. Все предложения он вносил в список, потом по каждому пункту голосовали, вычеркивали идеи с наименьшим числом голосов, опять голосовали и так несколько раз. Этот листок Семен Семеныч отдал Анфисе, которая умела рисовать, чтобы она изобразила все, что приняли почти единогласно.

И на следующий день Семен Семеныч опять был у Бутузова.

– Вот это другое дело. – Бутузов схватился за трубку телефона. – Эй, есть там кто у вас? Надо утвердить эскиз. Куда все уехали?! Ну ладно, я сам завизирую.

Он поставил свою размашистую подпись, похлопал по плечу Семен Семеныча и, повеселев, напомнил:

– Смотрите, за бюджет не выходить.

– Помню, как же.

Семен Семенычу выписали квитанцию на расходные материалы, и он отнес все молодому человеку с длинными руками, по имени Вася.

Когда через два месяца приехала комиссия – памятник был уже готов. Он стоял на высоком постаменте рядом с драгоценной лужайкой, и народ в предвкушении выглядывал из окон своих домов. Торжественное открытие прошло быстро и вскоре произведение искусства предстало во всей своей

красе.

На большой гипсовой колонне в форме ракеты были наклеплены всевозможные достижения цивилизации: старенькие мобильные телефоны, телевизоры, электрочайники, плееры, наушники и даже фен. А завершал всю конструкцию оплетенный прутьями, словно изображающими всемирную паутину, сломанный ноутбук, кем-то очень любезно представленный для такого дела.

Комиссия взирала на колонну в некотором замешательстве. Бледный Бутузов стоял рядом. Затянувшееся молчание прервал невысокий господин в серой шляпе:

– Ну, что вы думаете?

И опять наступила тишина.

– А по-моему, ничего так, живенько, – подал голос тот же господин. – Сейчас в Европе используют технику... с бытовыми предметами. То ли коллаж, то ли ассамбляж называется.

– Да?! – Женщина из комиссии чуть наклонила голову и прищурилась. – Ну раз в Европе, тогда ладно. Кто скульптор?

Васю вытолкнули вперед, и он нерешительно мялся с ноги на ногу перед хорошо одетыми господами.

– Как зовут? – строго спросила женщина из комиссии.

– Василий Прутиков.

– Далеко пойдете, Василий! Европу догоняете. Поздравляю! – женщина потрясла его за руку и кивнула остальным,

приглашая присоединиться.

– Раз такое дело... Может, еще что-нибудь захотят построить, выделить средства и все такое. Вы тогда будьте на связи. Облагородим город в стиле современности. Может, еще памятник на вокзале поставим.

– Нам бы дороги, – раздался голос из толпы, но быстро растаял в торжественном гвалте поздравлений.

***

На вокзале вскоре поставили монумент, сильно смахивающий на главу администрации, но точно утверждать никто не решится.

Из дневника Беллы петуховой

На грани – Вчера был день рождения шефа. Справляли на полную катушку в местном ресторанчике солидного уровня. Выпито было так много, что уже не помнила, где оставила свою сумку и даже умудрилась потерять туфлю. Хорошо, Светка, из отдела маркетинга, все это где-то нашла и сунула мне в машину, когда нас увозили. Наутро она мне по телефону рассказала, что я целовалась с шефом, нескромно к нему прижимаясь, и еще проделала то же самое с молодым парнем из коммерческого отдела. Хорошо никто никуда не позвал, а, может быть, и звали, только я не помню, но обычно после всех празднеств я четко еду к себе домой. Послезавтра на работу, вот и узнаю, кому что наобещала, а пока отдыхать. Это надо же, свой так не отмечала, что на меня нашло?

Понедельник – Веду себя аккуратно, строго и по-деловому. О случившемся ни-ни, как о забытом дне. Даже с доброжелательными коллегами не обсуждаю. Парниша издалика улыбается, но не подходит. И хорошо, сиди там, милый, не вставай. Мне еще шефа встретить надо.

Шеф появился во второй половине дня, мимоходом поздоровался и исчез в своем кабинете. Ну что ж, видимо и он чувствует себя не в своей тарелке. А, может, это не я ему, а он мне чего наобещал. Тогда тем более понятно. Ну, это нормально, главное до конца недели его не пугать и рядом

не крутиться, он и успокоится. А меня, пожалуй, ждет разгрузочная неделя и можно сильно не работать.

Вторник – Парниша стал что-то крутиться возле много. Пора его на место поставить. Что это он ко взрослой тетеньке домогается. Хотя, ничего такой, да и разница в возрасте не сильно утомительна. Не буду пока его отпугивать, посмотрю, что он предпримет.

Среда – Парнишка принес мне конфеты и предложил сходить вместе на обед. Это можно, по корпоративной этике такие походы не возбраняются и считаются вполне нравственными. Единственное, после того падения на юбилее, – это может уже не выглядеть столь невинно. Надо подумать. О, и шеф заметил, как парниша возле меня вьется. Ну... сейчас начнется. Это они любят – ни себе, ни людям. ... Вот тебе, пожалуйста, как я и сказала, начал отгонять его, чтобы делом занялся. На обед все-таки из принципа схожу.

Четверг – Шеф с утра вызвал меня к себе. К чему бы это, никакого особого повода нет, или это я так, уже выдумываю себе. Ну, вызвал и вызвал. Записала все, что он хотел нам поручить и перепроверить, взяла какие-то бумаги, которые надо передать другим – почему интересно я должна этим заниматься, у него секретарь есть. Все взяла, встала, одернула юбку и пошла. Сверлил взглядом – это точно, уж это любая женщина задним локатором чувствует.

Пятница – Парнишка опять пригласил на обед, и прямо перед этим обедом шеф вызвал меня к себе. Полчаса расска-

зывал о каких-то технологиях, выпили по чашке чая, а когда перерыв на обед закончился, он спохватился, что надо бы пообедать и пригласил меня с собой. О, это уже интересно. Мы пришли в тот же ресторан и заказали потрясающий обед – банкет. И наконец-то он спросил:

– Так как, Бэлла?

– Что как? – не поняла я.

– Вы же обещали мне сказать через несколько дней.

– Что сказать? – я была в полном недоумении.

Он наклонился ко мне ближе и чуть ли не шепотом сказал:

– Ну, тогда, на банкете, вы обещали мне сказать, как я целуюсь, что вы знаток в этом деле, но вам понадобится несколько дней, чтобы оценить.

– А-а, – протянула я и сказала себе пару ласковых, это же надо было такое учудить после стольких лет, да еще не помнить об этом.

Так вот, почему я целовалась то с одним, то с другим. Сравнивала, оказывается. И как он купился? Этот старый трюк в юности мы с подружкой проделывали, когда просто хотелось поцеловаться – чувств было много, а бойфренд временно отсутствовал. Понятно, почему он задержался, решил, что я парнишку предпочла и все тяну с ответом. Если бы помнить еще. Дорожа своей карьерой и стараясь не ударить в грязь лицом, я серьезно ему ответила, что он явно превосходит средний уровень, и если добавит чуть больше чувства в поцелуй – эдакой истомы, то будет вообще на высоте. По-

думала, рецепт универсальный, для всех подойдет.

Шеф оттаял, расслабился, и остаток трудового дня пребывал в отличном настроении, никого не прессинговал и даже отпустил всех пораньше – пятница все ж таки.

У дверей офиса меня поджидал мой юный кавалер, который оказался вполне симпатичным парнем. Надо же, не будь того вечера, я бы как старушка обошла молодость стороной. Хотя, что такое разница в семь лет, этим уже никого не удивишь.

Выходные все равно проведу дома – надо сходить в салон и привести себя в порядок.

Понедельник – Пришла на работу с новой прической, сделала маникюр (в кои-то веки), добрый молодец наверняка решил, что все для него. Коллеги же подумали иначе. Все поглядывают на меня, когда шеф проходит мимо, и пытаются понять, что между нами происходит. Не буду пока никого разочаровывать, так как кое-какие дивиденды это мне тоже приносит. Тетка из бухгалтерии перестала хамить, так, на всякий случай, а неорганизованная наша коммерсантка наконец-то начала согласовывать со мной планы поставок, а не сообщать об этом в последний момент. Сижу, наслаждаюсь.

Вторник – Шеф вызвал меня к себе. Прямо так по-простому сказал: «Бэлла, зайдите ко мне». Народ аж весь замер в ожидании. Нужно было выбрать подарок ко дню рождения его жены (или мамы, или любовницы) и он обратился ко мне

за советом. Не знаю почему, наверное, решил, что если я что-то соображаю в поцелуях, то и с этим у меня все в порядке. Я уточнила, на какую сумму ориентироваться и приступила к идейным поискам. Предоставила ему список возможных вариантов, на что он предложил мне все-таки выбрать самой и дал водителя в распоряжение. Через час я вернулась с букетом цветов и подарком – изумительным серебряным подстаканником и витой серебряной ложкой. Надеюсь, все будут довольны.

Среда – Шеф похвалил меня за хороший выбор. Оказывается, в Европе подстаканники сейчас в моде (ну это я случайно знала) и поздравляемая осталась довольна. На этом все закончилось, и я вернулась к своим прямым обязанностям – работе с клиентами.

Четверг – Парнишка не сводит с меня влюбленных глаз, ревнует к шефу и всячески напрашивается ко мне домой. Шеф, кстати, на счет него расслабился и уже не отгоняет от меня, зато парниша теперь напрягся и думает, что раз кто-то успокоился – значит, у него все на мази. Пока не знаю, что с этим со всем делать, парнишка не плохой, но попрिдержу лошадей, чтобы дров не наломать.

Пятница – Завтра еду в дом отдыха на два дня. Парниша уговорил. А то все домой, домой. Нет уж, на природу, а там посмотрим, что к чему. Даже разные номера взяли, все-таки ни к чему не обязывает. Вчера, кстати, с ним целовались. Вполне может быть...

Через два месяца – Похоже, жизнь налаживается. Я пользуюсь безмерным доверием шефа, коллеги ко мне относятся уважительно, а парнишка живет у меня и, кажется, настроен на любовь. Дневник вести уже не успеваю.

Крутые виражи больше не предпринимаю, одного разворота было достаточно, чтобы выйти на удачную траекторию, так что теперь веду себя осмотрительно. Все должно быть в меру. Умеренный авантюризм, как бокал дорогого вина – не стоит напиваться, а лучше смаковать и наслаждаться.

Иван Царевич в поисках, или Коктейль 2119

фантюмор

Иван метался меж двух симпатий. Его сильно увлекала перспектива сотрудничества с Василисой Премудрой из бухгалтерии, но также льстила мысль понравиться Василисе Прекрасной с ресепшена. Как назло, Ведьма из отдела кадров твердо решила не пропускать его до сердца сотрудниц.

– Все «шашни», – грозно говорила она, – вне работы. А не то доведу до начальства, чем вы тут занимаетесь. Вмиг полетите из штатных сотрудников. Будете улицы мести со своим «флюент инглишем» и высшим образованием.

Ведьма была племянницей директора фирмы, имела виды на Ивана и на его новенький шевроле. К тому же небезызвестная в узких кругах бабушка Ивана оставила ему квартиру в центральной башне города – с парковкой на крыше. Наследник из Ивана получился не ахти какой – королевской крови не ощущал, повадок красавиц не знал, был простоват и незаметен.

Ему срочно требовалась помощь наставника. Феей крестной стала буфетчица из ближнего зарубежья. Она-то и надо-

умила Ваню, чтобы карету превратил обратно в тыкву, а синий модный костюм сменил на демократичный приемлемый «прикид».

Неделю Иван ездил на древнем, потрепанном мерсе, одолжив его у деда из соседнего подъезда за приличные деньги. Костюм из дорогой ткани сменил на попроще, но ботинки оставил модные. Все-таки что-то свое.

Василиса Прекрасная кривилась, завидев Ивана в коридоре. Ведьма удивленно хмурила брови и запрашивала сведения у начальства, что за перемены, следует ли ждать объединения корпорации с кем-то более сильным на рынке или – о ужас! – опасаться сокращения.

Две претендентки отпали сами собой. «Бухгалтерия» молчала и ничем себя не выдавала. Ей вроде было все равно. Финансовые дела под рукой, так что волнения никакого, а перемены Ивана – его личное дело.

А тут новогодний корпоратив подоспел, и совсем поник Иван. Отправился к фее у барной стойки, чтобы приготовила ему волшебный отвар, после которого все пофиг.

– Сейчас сделаю, – отвечала та. – Не переживай, все будет.

Намешала чего-то, накрутила в своем барменском комбайне – выдала трубочку и полный фужер с лопающейся пеной из пузырьков.

– Прими, – говорит, – все беды уйдут.

Иван принял. Сладкий, на махито похож. Пожевал листик мяты.

– Еще, – говорит, – давай, не понял пока.

Она ему второй напиток, лучше прежнего да с тягучей карамелью.

– Иди, – говорит, – завтра узнаешь свое счастье.

Наутро Счастье стояло на кухне и варило кофе. Ароматный и вкусный. «А может, и правда», – подумал Иван, вскочил с постели и обнял свою фею.

«А может, и правильно, – подумала фея Наташа, – а то помогаешь, помогаешь, а сама все одна, да одна».

– А как ты меня привезла? – спросил Иван, оглядываясь.

– На воздушном такси.

– Был совсем в хлам? – огорчился он.

– Нет, вы просто заснули.

– А почему на вы»?..

– Так не было ничего... – она засмеялась.

– Совсем? – Иван огорчился.

– Нет, ну что—то...

– И то хорошо, я уж думал, совсем сноровку потерял, – Иван заметно повеселел. – А что мы пили, сладкое такое?

– Мятный пунш, от нервов, от него сильно в сон клонит, зато расслабляет от всех стрессов, и тело – будто после массажа, обновленное.

– Да? Ну да... вообще-то...

– Я вам приготовила еды на два дня, для поддержания эффекта. Всего хорошего!

– Постой.

«Постой», — подумал он. И посмотрел ей в глаза. Как у русалки, зеленые, с искрами и глубиной. А я тут как с похмелья. Еще и неумыт. А что мне надо?

— А давай просто поболтаем? — спросил он. — Если ты свободна сегодня. Хочется просто поговорить. Ты любишь кино? У меня из старого есть много. Давай, как в детстве, на ковре, укрывшись пледом, включим телек и будем есть мороженое. Я купил настоящее, не из фабрики вкусов.

Через неделю Василиса Прекрасная принесла Ведьме новость, что барменша русалка увела Ивана в замужество сразу после корпоратива, напоив его зельем. На что Премудрая, та что из бухгалтерии, устало заметила: « Да каким зельем, что вы гоните. Это же бред»... — потом подумала и добавила. — Она его околдовала. Точно вам говорю!» И невдомек им было, что болтовня под пледом стала самым великим открытием для обоих.

Василий Необыкновенный

фантюмор

– Ты кто?

– Я – Вася.

– И что тебе надо, Вася?

– Ничего, просто смотрю.

– Не насмотрелся еще? Уже полтора часа глаз не сводишь.

– А что, нельзя что ли? Я же у себя дома, сколько хочу,

столько и смотрю.

– Лимит времени. Или спрашивай чего, или давай, дуй отсюда. Стоит все смотрит, смотрит...

– А что спрашивать?

– Вася, ты что, глупый?

– Че сразу глупый, я же не знаю, что надо спрашивать.

– Ты тогда иди, подумай, Вася, а потом придешь. И больше пятнадцати минут зеркало не занимай. Это лимит Времени. А то я тебе устрою неприятности, торчать тут по полтора часа. Давай, топай отсюда. Вася...

Два дня Вася к зеркалу вообще не подходил. После такой выволочки не очень-то и хотелось. На третий день его осенило, и он отправился в ближайший магазинчик. Купив небольшое зеркало, он установил его на тумбе в комнате,

а то, которое в ванной, наглое такое, решил, как-нибудь, потом заменить. Вот только как, он пока не придумал. Побайвался немного. Это зеркало ему напоминало бабку, вредная была, все время пилила его, но он все равно ее уважал, даже любил, можно сказать. Собственно, зеркало от нее и досталось. Переняло характер, наверное, за время проживания с бабулей.

Перед сном Вася пошел умываться. Побриться решил с утра, поэтому процедура заняла немного времени. Зеркало молчало. Успокоенный Вася отправился спать.

Утреннее бритье давалось с трудом. Невыспавшийся, он всегда был крайне медлителен, а еще кто-то настойчиво звонил по телефону. Приложив полотенце к подбородку, Вася прошел в комнату. В телефонной трубке уже раздавались гудки. Хорошенькое дело людей утром донимать звонками. Вася положил трубку на стол, чтобы его больше не беспокоили, и вернулся в ванную заканчивать бритье.

Появившись перед зеркалом, первое, что он услышал, было тихое ворчание. Стараясь не обращать внимания, как будто ничего не случилось, Вася стал добривать правую щеку.

Казалось, звуки исходили отовсюду: скрежетания, шипения, побряхтывания, – они наполняли все квадратные метры его малюсенькой ванной комнаты. Наконец, зеркало не выдержало:

– Ну и кто так бреется?

Вася не ответил. Хотел сказать, не твое, мол, дело, трепло

стеклянное, да передумал.

– Нет, я понимаю, конечно, я тебе советы давать не должно, но ты посмотри, на кого ты вообще похож.

– Я еще не причесался. Скоро буду на кого-нибудь похож.

– Огрызаемся, значит. Ни образования, ни воспитания.

– Пятнадцати минут еще не прошло, чтобы мне тут указывали, – разозлился Вася.

– В совокупности как раз получилось, пока туда-сюда бегал.

Вася промолчал. Что спорить, вообще непонятно, что творится. Как помыться-то, занавесить его что ли?

– Э-э, это что это ты делаешь?

– Не твое дело. В душ мне надо.

– Так шторку бы задвинул и все.

– Я лучше тебе шторку задвину, мне так удобнее.

– Ну-ну. Ишь, скромный какой стал. Раньше бегал, не стеснялся.

– Раньше «ванная» молчала, когда я тут интимными делами занимался. А теперь мне даже умыться толком не дают. И вообще, я тебя сниму сегодня. У меня новое зеркало есть, без всяких закидонов.

– Дурак ты, Вася, – обиделось зеркало и затихло.

Василий принял душ, в полной тишине растерся полотенцем и, обернув его вокруг пояса, прошел на кухню. Дверь в ванной оставил открытой – пару напустил столько, что не зайдешь – ничего не видно.

После чашки кофе, выпитого в спешке большими глотками, он быстро оделся и уже у двери услышал тихое ворчание.

– Чего бурчишь?

– Тряпку сними, ишь побёг. Понавесил тут...

Вася тряпку снял и помчался на работу. Вечером – это он твердо решил, – зеркало надо заменить. Новое как раз подходит – и по размеру меньше и без рамок старинных. Зеркало, как зеркало.

Вечер на работе затянулся – отмечали юбилей начальника их ремонтного отдела, и Вася, изрядно захмелевший, подъехал к дому довольно поздно. Вылезая из такси, больно стукнулся головой и, потирая шишку и слегка матерясь, поплелся к подъезду. До квартиры добрался уже из последних сил.

Стянув свитер, он, пошатываясь, направился в ванную, ополоснул водой пылающие щеки, и, на ходу раздевшись, рухнул на кровать.

Ночью пришлось вставать пару раз, видимо перебрал, все время хотелось пить. Наутро он встретился с зеркалом.

– Ну и рожа, – спокойно и лаконично сказал оно.

– Не твое дело.

– Да уж...

Они помолчали.

– Почем синяк?

– За бесплатно, – Вася потрогал шишку на лбу, чуть налившуюся за ночь синевой, и взял зубную щетку.

– Когда меня заменять будешь, изверг? – зеркало как буд-

то морщилось от запаха, исходившего от Васи.

– А что, нависелось уже, хочешь отдохнуть?

– Да. Что-то мне надоело на тебя смотреть. Неубранный ты какой-то, да и в доме больше никого нет, не на кого порадоваться.

– Я тебя соседке отдам, там нарадуешься – уйма народу.

– И, пожалуйста, мне там лучше будет.

Вечером зашла соседка. Женщина простая, без особых запросов, работала поварихой, а трое ее пацанов громили подъезд каждый год. Один из них как раз пришел с маманей – посмотреть, что в дом тащить придется.

– Это что это ты удумал? – сказала зеркало, когда те вышли ненадолго.

– А что тебе не нравится?

– Неблагодарный ты человек, Вася. Это где же это видано, чтобы престарелое зеркало к таким хулиганам отдавать. Ты же посмотри, на мне ни одной осколки нет. А рама-то какая, как у картины. Где сейчас такую найдешь? Слушай, Вась, может, передумаешь, а? Ну, вспылили, погорячились. Ты же хороший человек, Вась, даже такой... Необыкновеннейший...

– Ага! Заговорило!

– Правда, правда. Ты, Вася, – необыкновенный человек. Все в тебе ладно: и фигура, и характер не буйный, не то, что некоторые... – зеркало многозначительно помолчало, и уже как-то безнадежно добавило, – в общем, всем ты хорош, Ва-

ся.

– Слышь, ты... это... – Василию стало не по себе, – я вообще ничего не понимаю. Тьфу, ты, едрена корень. Щас, дай подумать.

Вернулась мамаша с сыном, Василий остановил их у двери.

– Знаешь, Тимофевна... короче, тут такое дело, ты погоди пока. Это бабкино зеркало, может, сестра захочет взять. Я как-то не спросил, не подумал. Так, что извини. Потом узнаю, и тогда... потом Тимофеевна. Хорошо?

– Да что ты, Вася, дело хозяйское. Потом, так потом.

– Ага. Давай, Тимофевна, пока, значит. А ты, куда поперся? – прикрикнул он на наглого мальчишку тринадцати лет, который прошмыгнул мимо него и начал строить рожицы возле зеркала.

Василий схватил его за шиворот и поволок к двери. Мамаша никак не отреагировала, видимо, сама так часто делала.

– На вот, Тимофевна, забирай своего. Все, пока.

Он закрыл за ними дверь и сел в прихожей. Дурдом.

– Спасибо, Вася, – раздалось из ванной.

– Пожалуйста, – ответил Вася и вытер рукавом вдруг вспотевший лоб.

– А ты меня куда теперь, к сестре?

– А что, и к ней не хочешь?

– Не знаю. К тебе как-то привыкло.

– Ты привыкло, а я вот... что-то никак... Ладно, там видно будем.

– А я тебе кое-что показать могу.

– Что ты мне показываешь, я и так знаю.

– Нет, не тебя. Хочешь, невесту твою покажу?

– Я еще жениться не собирался.

– Так, это сейчас. А потом... Она тебе очень подходит. Ты ее сразу узнаешь. Смотри скорей.

Василий встал перед зеркалом.

– Смотри в середку.

– Смотрю.

– И думай о ней.

– О ком, я же ее не знаю?

– Не важно, я же тебе говорю. Смотри и думай.

– Хорошо.

Зеркало затуманилось, покрылось дымкой и как будто издалека по центру появилось лицо девушки. Оно все приближалось.

– Ты только сам к ней не приближайся и не дотрагивайся, – прошептало зеркало.

– А что?

– Нельзя это. Испугаться может.

– Понятно.

– А еще стукнет, так след останется.

– Навсегда что ли?

– Ага. Навсегда. Правда, по следу потом и узнать может.

Но это не надо. Зачем тебе со следами-то ходить. Все, сворачиваю картинку. Ну, как тебе?

– Ничего такая. И где ж она?

– Скоро придет. Так ты меня оставишь?

– Слушай, давай я тебя хотя бы перевешу. А то мне раздеваться даже неудобно. А потом, я вот приведу кого, а ты за свои штучки, – от меня все невесты разбегутся. И чего ты разговорилось вдруг. Висело, висело, и на тебе...

– Не знаю, молчать надоело. Да и висеть мне недолго уже.

– Да сказал же, не уберу.

– А... я не об этом. На покой скоро. Видишь, уголки уже темнеть начали. Вот, первый признак, тускло скоро станет.

– А говорило-то, никакого изъяна.

– Ну... во всяком случае, еще ничаго я. Вот новое купил, как придет время, скажу – поменяешь.

– А тебя куда?

– Я вообще-то вещь раритетная, можно и сохранить где-нибудь в теплом месте, без сырости. Опять же пригодиться смогу, так, иногда, только не наглеть, без potrzeby не суйтесь. Это дело такое, аккуратно надо. Чтобы, если не на пользу, так хоть не во вред. Но тебе, кажись, на пользу. Смотри-ка, разурмянился, жених.

– До чего же ты болтливое.

– Да не обижайся, Вась. Когда надо, я помолчу. Я же понимаю. Хороший ты парень, Вася, и бабуля на тебя не нарадуется. Смотрит иногда, я позволяю.

– Так это ты от нее на меня накинлось?

– Нуу... от нее, не от нее... Совпали взглядами. Пора тебе за себя браться, Вася. Распустился один тут.

– Ты не начинай.

– Да я ничего. Это от нее. Так, чего, Вась, дружим?

– Ага. И не тужим. Объявляю час тишины. Обалдеть можно.

Артистка

Верочка Глушакова мечтала играть на сцене. Ее выразительные синие глаза в обрамлении густых золотистых ресниц излучали восторг и невинность. Но почему-то на приемную комиссию они никак не действовали. У Верочки была такая же золотистая копна волос, которую она распускала, встряхивала для убедительности романтического образа, но это почему-то тоже не понимало грозных судей в театральных училищах.

После пятой попытки устроить свою судьбу на подмостках один из сидящих за длинным столом, светловолосый и на вид совсем не вредный мужчина, заявил ей, что для того, чтобы хотя бы сносно играть нужно что-то еще помимо внешности и умения тарашиться. Так и сказал. «А где же она тарашилась?» – подумала Верочка, опуская длинные ресницы, чтобы скрыть блеск выразительных глаз.

Встретив такое препятствие между ней и искусством, Верочка решила пойти обходным путем. Если искусство не идет к ней, она сама придет к нему!

В двадцать шесть лет, работая продавцом в маленьком магазинчике, Верочка копила на жилплощадь, чтобы съехать из пятиэтажки. Квартира однокомнатная с пятиметровой кухней досталась ей от дяди, а родители жили за триста километров на десятине земли и переезжать наотрез от-

казывались, — в такую тесноту, да и зачем? К Верочкиному неуёмному стремлению в артистки относились неодобрительно, но с надеждой, что в городе блажь дочери пройдет, и она хоть как-то устроится, а главное, найдет жениха. Но Верочка не сдавалась, женихов не искала, а настойчиво стремилась пробиться к искусству.

Она выучила еще одну басню, два стихотворения и одним прекрасным звездным вечером отправилась в ближайший театр. Как она узнала накануне, в театре несколько дней в неделю шла постановка молодого и перспективного режиссера, и такого же молодого и перспективного автора современной пьесы, которая пользовалась невероятным успехом.

Два дня Верочка наблюдала и слушала игру актеров — сначала с галерки, потом переместилась в партер. Артисты иногда выбегали в зал, занимая для игры все пространство.

С режиссером Верочке встретиться так и не удалось и устроить прослушивание в театре тоже.

Приходя домой, Верочка репетировала у зеркала заламывание рук, истошные крики и томные всхлипывания, которыми так была насыщена роль главной героини. А в третье свое посещение Верочка записала монолог героини в кульминационный момент в блокнот.

Деньги, отложенные на проведение досуга, неумолимо кончались, и пришлось устроиться уборщицей для подработки в вечернее время.

Всю неделю Верочка драила полы и тихо декламировала

слова из роли. Через какое-то время она уже изящно водила шваброй по блестящему полу, грациозно выжимала тряпку и ставила ведро по центру коридора, как ценный реквизит. К нему она возвращалась, чтобы начать заново, если вдруг сбивалась и путала слова.

В субботу Верочка готовилась к выходу: мастерила длинное платье из черной блестящей материи, купленной в подвальчике магазина тканей недалеко от дома за триста сорок рублей за метр. Дорогая ткань требовала аккуратного подхода и сноровки.

Шить Верочка не умела, но в одном из журналов нашла совершенно беспроегрешный вариант – ба-ла-хон! Она просто вырезала окружность, чтобы пролезла голова и прострочила у соседки на машинке боковые швы. Все! Это фантастичное изделие, сотворенное собственными руками – пеньюар, бальное платье, да что там, наряд для модели – потрясающе смотрелось на вешалке. Верочка надеялась, что и на ней тоже.

В воскресенье, облачившись в этот «звездопад на черном небе», словно королева, Верочка прошла через фойе театра, мимо шумной толпы и заняла свое место в партере, у самого прохода, где во втором акте как раз пробегали артисты.

Первый акт Верочка сидела, не шелохнувшись, и смотрела на красивого героя второго плана. Она только сейчас обратила на него внимание. Черноволосый, стройный, чуть сутулый, но от этого еще более милый, он отличался какой-то

необъяснимой нежностью среди всех этих скачущих, гомонящих людей. Хотелось их отогнать и дать ему отдохнуть.

К тому же Верочке показалось, что он незаслуженно отодвинут от главного действия. Впрочем, как и она. Верочка почувствовала невольную симпатию к юному дарованию и как будто вся потянулась к нему на встречу.

Парень заметил напряженно сидящую женщину, которая не сводила с него глаз. Она мерцала в полумраке зала необыкновенными волосами, распущенными по плечам золотыми волнами. Когда объявили антракт, и зажегся свет, он выглянул, чтобы получше разглядеть девушку. Она так и осталась сидеть на своем месте.

Нерешительно помявшись, артист удалился в гримерную. А Верочка думала о несправедливой расстановке людей на сцене. Зачем столько шума, ведь все можно сделать нежнее, романтичнее... с тем юношей.

В начале второго акта артисты пошли «в народ», – они активно бегали по проходам, кого-то звали. Настала и очередь милого парня. Он чуть замешкался на сцене, и ускорил шаг, проходя мимо Верочки, но она уже ждала его. Вот он, звездный час!

Верочка решительно схватила его за руку и встала. – Я вас ждала, – произнесла она первую фразу из монолога, который должна была читать героиня через пятнадцать минут.

Парень опешил.

Верочка набрала побольше воздуха и продолжила:

«Ох, как же я ждала.

Когда вот так, вы выйдете устало из этих мрачных стен, из глупого оскала той мышки, что пленит всегда.

Она – не я. Она не я, поймите. Держите меня за руку, держите»!

В конце Верочка повысила голос и как будто приказала, а не торжественно молила, как та, на сцене. Ничего, у нее свое толкование роли. Вот он, ее герой.

Растерянный артист, решив, что его забыли предупредить о каких-то изменениях, оглянулся на сцену. Там как раз стоял потрясенный главный герой, которому и должны были посвящаться эти слова. В настоящий момент он как бы размышлял, пока все бежали, являя его мысли.

Спасая положение, юноша произнес пару реплик из роли и, осторожно высвободив руку, усадил девушку на место.

В лоджии для вип-персон появилась голова режиссера. Артист кивнул, что все в порядке, и голова исчезла.

Дальше все пошло по запланированному сценарию.

На Верочку оглядывались из зрительного зала, пытались понять, что за артистка такая. Монолог так гармонично лег в размышления героя и как бы его предвидение ситуации с героиней, что явного смущения зрителей не вызвал.

Громкие аплодисменты завершили действие и народ, закидав сцену цветами, поспешил в гардеробную.

К Верочке подошли две пожилые дамы и попросили авто-

граф. И вдруг она увидела спешащего к ней сутулого артиста, чернявого принца, непризнанного героя первого плана, вынужденного прозябать на втором.

– Извините, – обратился он к ней, – с вами хотели бы поговорить. Вы только не пугайтесь, нужно выяснить недоразумение.

– С вами мне не страшно. Пойдемте, выяснять недоразумение.

Верочку ждали рассерженный режиссёр и художественный руководитель театра.

Выясняли, на каком основании, да как посмели, да как вообще... чуть не надругались над всей пьесой, не сорвали спектакль! Наконец, спросили, кто такая. Верочка подробно все объяснила, со всем соглашалась и убедительно просила не ругаться за нововведение.

Это уже наглость. Нововведение. Нет, вы слышали?! – опять разозлился режиссер и начал ругаться.

Верочка испуганно отшатнулась, пролепетала «извините» и кинулась к лестнице. Вслед ей несло: «Да чтоб ноги вашей здесь больше не было».

Выбежав на улицу, Верочка глубоко вздохнула и смахнула слезу. Кто-то ее обнял за плечи.

– Не обращайтесь внимания. Это издержки профессии.

Чернявый, сутулый, с блестящими серыми глазами заглядывал ей в лицо, смахивал слезинки и, похоже, ругаться совсем не собирался.

– Позвольте, я вас провожу, – галантно предложил он.

– Позволяю, – сказала Верочка, забыв обо всем на свете.

Станислав Ежинский согнул руку в локте и подставил Верочке. Она благодарно облокотилась и зашагала. Сначала по гулким улицам, по бетонным лестницам, по мягкому ковровому покрытию. А потом и дальше, по жизни, рука об руку.

В театре Верочке играть так и не стала. Говорили, что чудная, но ей уже было все равно. Как сказал один из актеров, за кулисами разыгрываются свои спектакли, и хотелось бы оградить такую наивную и чистую душу от всего мерзкого и пошлого. «Тяжело им» – подумала Верочка, будучи совершенно счастлива.

Она с благодарностью приняла дар от театра в виде мужа. Ведь не зря же она так стремилась сюда. Значит, что-то хорошее должна была найти. И нашла. Ведь это же искусство!

ВЫСТУПЛЕНИЕ НА СИМПОЗИУМЕ

Докладчик – ученик 6 класса Вильгельм Андреевич Про-
нин.

Современные правила русского языка считаю чрезмерны-
ми и витиеватыми. Пора уже что-то с этим делать.

Пример: Он уже месяц (,) как не работает.

Я бы запятую поставил. Раньше бы не поставил, пока мало
правил знал.

Однако объясняют, что здесь наблюдается оторванность
сказуемого от подлежащего, оказывается, и то ли ставить за-
пятую, то ли нет... Нюансы... Можно не ставить. Ха-ха.

Теперь об «однако». Выделяется только в середине
и в конце предложения. А в начале – не выделяется. Но...
если это не восклицание.

Пример.

Однако он не пришел.

Однако, он не пришел! – воскликнул кто-то там.

И как такое запоминать, если и так много чего надо за-
помнить?!

А с этими одевать/надевать? Это же, вообще, ужас.

Ладно бы запоминали, как «одевать кого-то, а надевать
на себя». Так нет! И здесь запутали.

Пример. Я одеваю брата. Я надеваю на него куртку.

Это что же получается. Если на него, то тоже на...

Мама тут объявление разместила на авито: «Продаю платье, одевала всего два раза». Пришлось поправлять ее. Ну неудобно же! И мама огорчается.

...И всякая другая всячина. Утомляет...

Поэтому, прошу принять меры и упростить правила до разумного предела.

Западня

У Виктора Сергеевича было все, как у людей. Один глаз смотрел направо, другой – налево. В правой стороне находились общепринятые способы достичь желаемого, в левой – сомнительные, притягательные и рискованные. А достичь желаемого хотелось изо всех сил. И поскорее. И в больших количествах. Недорого.

Словно в тумане или как в сказке на распутье стоял Виктор Сергеевич, понимая, что если налево пойдешь, то в придачу к богатству и неприятности найдешь, а если направо – то долгий путь и вряд ли чего соберешь.

Прямой путь ничего не обещал совершенно.

К тому же висел рекламный щит – храните денежные вклады, и жирным шрифтом указано – где. Совсем короткое название банка – и все, дальше мелкими буквами, неразборчиво и много.

Щит блестел и сулил прекрасную жизнь, если завернешь за угол. Он преградил путь, озадачив и смутив Виктора Сергеевича. Потому что кое-какая сумма была, но правильно ею распорядиться – это же нужно уметь.

А баннер будто издевался: «Даже если у тебя совсем немного денег, – обволакивал он информацией, – как только положишь – сразу станет больше».

Виктор Сергеевич хранил бы с радостью, но где же их

взять, чтобы не обмануться. «А тут же под большие проценты годовых», – вещал баннер. «Почти приличный навар», – соглашался Виктор Сергеевич.

Потом возражал: «Хотя, смотря, какая сумма, а то может такой бульон получиться. И пена к концу года соответственная поднимется».

Ох, что-то голова закружилась от размышлений, и Виктор Сергеевич отошел в сторонку.

Отдышался. Постоял.

Махнув рукой, он повернул назад и пошел в сторону остановки. Но и там его поджидала панель с рекламой того же банка, незамеченная ранее. Виктор Сергеевич зажмурился и, когда открыл глаза, то с радостью увидел, как подъезжает его троллейбус. Наконец-то, а то одолели наваждением. Не отделаться никак.

Троллейбус подъехал, притормозил, шумно распахнул двери, и на Виктора Сергеевича глянула все так же девица с рекламы, зазывающая хранить деньги у нее, в таком-то банке.

– Окружили, сцуки, – буркнул Виктор Сергеевич, отступая. Потом обернулся и крикнул непонятно кому. – Фиг чего дам!

Он дошел до переулка, ближе к своей улице, и уверенно свернул направо.

Настя – Краса России

Милюкова Настя, пухлая блондинка двадцати семи лет, листала глянцевоый журнал, оставленный одной из шикарных женщин, присутствие которых в их учреждении бывало не часто. Санаторий для сердечников, где уже около двух лет прозябала такая краса, как Настя, – в этом она нисколько не сомневалась, и в том, что краса народная, и что прозябает почем зря, – располагался в тихой лесной зоне недалеко от Москвы. Утопая в соснах, возвышающихся над двумя корпусами, небольшой участок санатория сохранял прохладу даже в самую нестерпимую жару. И только выйдя за ворота, человек понимал, какая на самом деле погода: влага и прохладный покой исчезали в звенящем пекле, пыли близлежащей дороги, суете проезжающих машин, выпускающих в жаркое марево свои серые выхлопы.

Милюкова и не выходила. Что там делать, за периметром? На дежурство она брала из дома все необходимое, в шкафчике держала полотенце, чтобы при случае сходить в бассейн, и с надеждой поглядывала на отдыхающих, мечтая встретить если не принца, то хотя бы его престарелого дядю на предмет дальнейших отношений. Да и вообще, устройства жизни.

Квартира Милюковых не подходила для нормального проживания: подросший братец ютился вместе с ней в комнате и пока тоже переезжать никуда не собирался. Мать Ми-

люковой, Тамара Сергеевна, обитала на кухне, – небольшом помещении чуть больше семи метров, что было очень удачным, по ее мнению, – там помещалась маленькая, потерянная тахта.

Вот так, отцы куда-то деваются, квартиры не растут вместе с подрастающими детьми, и, в какой-то момент, углы становятся острыми, пространство – тесным, а характер – противным.

Настя потянулась, отложила журнал подальше и выглянула в окно. Близились время обеда, и отдыхающие подтягивались к главному корпусу.

– Девушка, – раздался голос сзади и оторвал Настю от созерцания заоконного пейзажа. – У вас пластыря не найдется?

Мужчина лет пятидесяти с надеждой в глазах взибал на красотку в процедурном кабинете.

– Найдется, – Настя направилась к шкафчику, ловкими руками отломила от ленты прямоугольник и протянула мужчине.

– Может, поможете, – канючил мужчина, подставляя палец.

Как маленькие. Настя вздохнула и, надорвав скользкую бумагу, приготовила средство для наклейки.

Палец с глубоким порезом появился прямо перед ее носом.

– Вы что, мужчина?

– Что?

– Давайте, хоть обработаю.

Настя взялась за перекись водорода. Обработав, как положено, она наклеила страдальцу кусок пластыря и громко проинформировала:

– Все.

– Вот спасибо. А вы давно здесь работаете?

– Для кого-то недавно, а для меня так вечность.

Мужчина не торопился. Настя оглядела его оценивающим взглядом. Тренировочный костюм так себе, кроссовки нормальные, не лысый, но не волосатый уже. И что им только от нее надо?

– Вы с чем лежите? – осведомилась она.

– Да я так, отдохнуть приехал. Процедуры всякие принять. Душ, ванны, массаж. В городе не до того все.

Настя взглянула на него уже с большим интересом.

– А сколько вам лет? – без обиняков спросила она. А что, вполне может медсестра в процедурном кабинете такие вопросы задавать. По должности позволено.

– Сорок семь, – не растерялся мужчина, не замаялся, не начал мигать заискивающе глазами, мол, что наши годы, мы еще ого-го!

Настя кивнула и отвернулась опять к окну. «Как матери моей. И детки, небось, такие же, сами на выданье. Вот невестуха».

Мужчина продолжал общение.

– Я, собственно, что спросить хотел. Я тут только второй

день. Пища какая-то соленая у вас, да и по утрам то ли бензопила, то ли косилка работает. К администратору подходил, она только плечами пожимает. Не подскажите, как можно уладить вопрос? А то ведь отдохнуть, а тут...

– С пищей – на кухне, а с газонокосилкой – это Леша по утрам наслаждается. Так вы подойдите и тресните ему по башке, может, уймется. Всем уже надоел. С семи часов развлекается каждый день, подлюка. Такое впечатление, что трава за ночь вырастает, и он ее никак не выкосит, идиот. – Настя разошлась. Испорченный характер, виновник неустроенного быта, давал о себе знать. – Так, мужчина, идите на обед. Опоздаете, еще не накормят.

Мужчина скрылся за дверью. Настя опять взялась за журнал и в сердцах откинула его. Пойти погулять, что ли? А то ей еще завтра смену сидеть из-за Нинки.

Настя вышла на пруд, от которого тянулся неприятный, застойный запах прошлой эпохи. Как сменилась эпоха, так и перестали пруды чистить, и теперь во всей округе водоемы напоминали то ли помойку, то ли сероводородную смесь. Вечером у отдыхающих просмотр кинофильма. Может, сходить? Или нет, домой.

Утро свежее испеченного дня ничем не отличалось от вчерашнего такого же. И мать спала на кухне, и брат тунеядец валялся на раскладушке после разгульной ночи.

До обеда время шло медленными шагами, которыми входили посетители. После обеда время ускорялось, звенело,

летело и хотелось ухватить его, чтобы день не прошел так же бестолково, как и раньше.

Настя вышла в коридор. Навстречу ей спешил тот самый мужчина с пальцем. На этот раз на нем была темно-синяя майка и бейсболка, повернутая козырьком назад. Во взгляде светилось что-то дикое. Настя даже остановилась от удивления. Как будто два разных человека – вчера один зашел к ней в кабинет, а сегодня сбросил десяток лет, подтянулся и идет по коридору, как ни в чем не бывало. Даже по сторонам не смотрит!

– Эй, мужчина, – окликнула Настя.

Он остановился, сфокусировал взгляд на ней, нахмурился, припоминая. Потом всплеснул руками и поспешил навстречу.

– Здравствуйте. Извините, не заметил. Вас как зовут?

– Настя.

– А меня Семен Петрович. Вы представляете, Настя! Эти курицы! – он отвел ее чуть в сторону. – Эти курицы не могли отлить одну тарелку супа! Вы представляете?! Я утром попросил, чтобы недосаливали, ведь у всех солонки на столах, кому надо доведут до вкуса. Нет, отказали. Тогда я попросил отлить одну тарелку. Поинтересовался, когда солят – в начале или в конце? Согласился, чтобы совсем несолено – было раз это так трудно. И вы знаете что? – он неожиданно прыснул. – Они решили всех накормить несоленным супом. Они просто тупо его совсем не посолили, чтобы показать, как на-

род этим недоволен. Каково, а?

– Успокойтесь.

– Нет, вы поймите. Я и с вашим Лешей поговорил, чтобы после завтрака стрекотать начинал. Он не против. А эти? Каково, а? И как я питаться буду? Они же все пересаливают. Я заплатил за неделю и буду жить как идиот, в магазине еду покупать? Что делать то? Хоть съезжай к едрене фене. А ведь поближе искал, чтобы если что, – на работу отскочить. Отстойник какой-то...

– Не расстраивайтесь, Семен Петрович, – пыталась утихомирить его Настя. – Вы подождите, что-нибудь придумаем.

– Да что придумать, Настя! Я же ведь не скандалист какой. Я просто хотел договориться. А они что? А этот пруд, вы видели – у меня окна туда выходят. Я первую ночь думал, что крыса под окном сдохла. Нет, это вообще.

– Подождите меня здесь. Я сейчас позвоню и приду.

– Хорошо, хорошо. Нет, вы бы видели их лица. Наливают суп и улыбаются. Тьфу.

Настя скрылась в кабинете, достала телефон и набрала матери. Мать была не против, оставалось только отловить брата на улице. Так... идея возможна, а там, посмотрим...

Настя вернулась к бедолаге.

– Есть такой вариант. Здесь недалеко моя квартира. Минут десять ходьбы. Вы можете пожить там, еда предоставляется лучшей поварихой, то есть моей мамой. На процедуры будете приходить. Ну а моих пока на время переселим в ва-

ши апартаменты. У вас одноместный?

– Люкс.

– А... люкс. То есть раскладушку тащить не надо. Уже хорошо. Вас устроит?

– По-моему меня сейчас устроит все, что бы вы ни предложили.

– Не обольщайтесь. Я больше ничего не предлагаю.

– Да я так. Когда пойдем?

– Вы пока вещи соберите, да администратору скажите, что родственники приедут, и... часа в четыре подходите.

Семен Петрович был безмерно счастлив кушать мамины щи, котлетки и мясо под соусом. Мама наслаждалась номером люкс и заботилась о домашнем клиенте. А братец устроился, наконец, на работу, – Леша пристроил его в автоматерскую.

И только Настя, соблюдая инкогнито, спала то у подруги, то дома на кухне. Что-то застеснялась она в последний момент.

Мамины щи были оплачены, временные неудобства тоже. Мужчина, то есть Семен Петрович, собирался домой. Откашлялся, зашел на кухню.

– У меня к вам разговор, Настя. Только отнесите к нему серьезно.

– Я вся внимание, – Настя затаила дыхание. Неужто повезло? Он, конечно, не ахти, но все же.

– Я, Настя, уже не молод. И холостой.

– Прекрасно.

– Что, не понял?

– Продолжайте, говорю.

– Так вот, мы с вашей мамой решили пожениться. Вы не против?

– С кем вы решили?

– С вашей ма...

Настя хохотнула. Потом еще раз, зажала рот рукой и за-
тряслась.

– Вы не подумайте. Мы поедem в город, у меня двухкомнатная квартира. Вы будете к нам приезжать, когда захотите. Вы-то самостоятельная. А брат ваш может переселиться к нам. Я не против.

– Какое счастье, – Настя разразилась громким смехом. Ну, мама, ну зажгла. – Семен Петрович, я вас поздравляю, заботьтесь о маме, о брате. Обалдеть. Мы не против.

И она опять безудержно рассмеялась.

Милюкова Настя листала очередной глянцевоый журнал. На ее руке красовалось золотое кольцо. Подарок мамы со свадьбы. И букет невесты мама вручила ей лично в руки, чтоб уж наверняка.

В кабинет постучали.

– Войдите, – отозвалась Настя, откладывая журнал.

– Девушка, у вас пластыря не будет? – молодой парень в ярких бермудах неловко переминался с ноги на ногу.

Настя посмотрела на его худые ноги, взглянула в яркие серые глаза, и сердце ее затрепетало.

Песня

Можно сказать, банальнейшая история.

Но... если с кем-то было подобное...

Анита позвонила по телефону ровно в девять утра, как и обещала накануне, если я не объявлюсь у нее в это время.

– Давай, быстрее собирайся. Я тебя уже жду.

– А чего ждешь?

– Ну ты что, забыла что ли? Мы же собирались тексты к французскому подобрать.

– Ааа, сейчас буду.

– Давай быстрее, мне в одиннадцать надо уже быть на работе.

Я с трудом встала, умылась, кое-как оделась и отправилась к Аните в соседний подъезд. Полусонная нажала на кнопку звонка и так и держала ее, пока Анита не открыла дверь, недоуменно переводя взгляд то на меня, то на кнопку.

– Прости, – спохватилась я, протерла глаза, чтобы пошире открылись, и вошла в квартиру.

– Ты во сколько вчера легла? – поинтересовалась Анита, пока я снимала сапоги.

– Не помню, в три или в четыре, – я уже влезала в тапочки, которые Анита подпихнула ко мне ногой.

– Ну-ну... Ничего отоспишись, что тебе надо – тексты с переводом?

– Да, желательно еще и с музыкой.

– Понятно. Короче, у меня есть та-а-кая песня, – Анита закатила глаза от восторга.

– Давай, послушаем. Ставь.

Анита вытащила диск из коробки, поставила его в ячейку проигрывателя.

– Сейчас заиграет, она у нас... третья по счету.

Зазвучала музыка. Действительно красивая, ничего не скажешь. А мужчина как пел, закачаешься.

– Слова есть? – спросила я.

– Щас, будут тебе слова. Держи пульт, я распечатаю.

Анита переместилась к компьютеру, побила по клавишам, словно играя на пианино – порывисто и экспрессивно, в стиле своей натуры.

– Тебе сразу с переводом? – поинтересовалась она.

– Ага. Сразу. Чтобы на одном листке, рядом, и строка в строку.

– Ха, это как получится. Строка в строку. Слишком много хочешь. Когда петь будешь?

– Вот распечатаешь и спою.

– Ну давай.

Зашелестел принтер. Анита взяла один листок, потом второй, и даже третий.

– А этот зачем? – не поняла я.

– Чтобы красивее пела. Тут по-русски все французские слова. На, пой.

Я уставилась в текст песни. Анита нажала на стоп, а потом запустила мелодию сначала.

– Тебе кстати как? Только музыку или чтобы он тоже пел?

– Конечно с ним, ты что?! Я одна напую.

– Дуэтом, значит. Хорошо. У меня и так, и так есть. Подучишься, будешь одна петь. Давай, начинай.

Зазвучал мужской голос, я пыталась бубнить слова, не поспевая за певцом. Анита выхватила текст на французском и подсунула мне русский вариант. Петь стало легче.

– Короче, тренируйся, я пошла чайник ставить.

Анита удалилась на кухню, я все сидела на полу, прижавшись ухом к колонке, и повторяла слова. На третий раз получалось уже лучше. Анита заглядывала, хитро щурясь и жуя бутерброды. В перерыве между четвертым и пятым разом, она сунула мне оставшуюся половину бутерброда, и сказала: «Отдохни».

А сама села перед проигрывателем и взяла мой листок. Теперь уже я сидела и жевала, а Анита бубнила текст по бумажке. С третьего раза у Аниты тоже дела пошли лучше, а я отправилась на кухню пить чай.

Умиротворенная таким хорошим началом дня, под музыку, я еще и причесалась в Анитиной ванне, накрасилась и пошла за ней. На часах в прихожей было без двадцати одиннадцать.

Анита всюду распевала, уже перекрывая своим голосом певца, и явно не торопилась.

– Эй, певица, на работу опоздаешь.

– Подожди, – Анита явно увлеклась.

– Чего ждать? Тебе пора уже. Давай диск, я пойду дома допевать.

– Ну подожди, я сейчас.

– О-ййй, – состроила я рожицу, потом махнула на нее рукой. – Ну как хочешь.

Я пошла в другую комнату, прилегла на тахте. Рядом на диванчике лежали плюшевые зайцы, медведи, деды морозы со всех новогодних праздников, наверное, за последнее десятилетие. Устроив одного из них под голову, я задремала.

Проснулась я в тишине, за окном уже меркнул свет – дни то короткие, зима, и вечереет рано. Хотя в последние недели вечер уже начинался как будто с утра, плавно переходя в ночь. Я взглянула на время – три часа!

– Анита! – позвала я подругу, вскакивая с тахты. – Анита, ты где? – я ринулась из комнаты, зацепив ногой диван с Анитиными игрушками. Потирая колено, засемила в комнату, где видела ее в последний раз.

В квартире было подозрительно тихо, и Аниты не было. Около магнитофона лежали разбросанные коробки дисков, в прихожей было свалено все с верхней полки, а в ванной на полу валялись тени и помада.

Анита умотала... Это было ясно. Собиралась она как

на пожар, видимо, в последние десять секунд. Но я то как?! Я подергала дверь. Она, конечно же, была заперта.

На кухне рассыпью лежало печенье в тарелке, в холодильнике я нашла джем и сгущенку. После этого я набрала Аните на работу.

– Привет подруга, сказала я, дожевывая печенье с джемом.

– Привет, а ты чего диск не взяла?

– Я не взяла?! Да так, некогда было. У тебя ключ запасной дома есть?

– Есть, а что?

– Да так, на всякий случай. Где лежит-то?

– В ящике, в прихожей. А...

– Понятно. А диск?

– А диск в магнитофоне остался. А...

– Понятно. Я тогда его возьму, не возражаешь?

– Нет, конечно. Только... как ты в квартиру попадешь? Ключ же там, внутри.

– А я по водосточной трубе заберусь. Потом все закрою, а ключ вечером занесу, хорошо?

– Х-хорошо.

– Ну давай, пока. Работай, а то я сейчас тоже опоздаю. И спасибо тебе, Анита, за помощь, мон ами. Ля мур тужур.

Американское кино

В кинозал мы с Веркой пробирались уже в темноте. После спотыканий и нащупываний откидных сидений, наконец, расположились со всеми удобствами: куртки за спину, сумки на пол.

В кадре появился мускулистый парень с тяжелым автоматом наперевес. Все, спасайся, кто может. Парень улыбнулся, или что-то вроде, и пока отложил автомат. Решил погулять по городу, познакомиться с горожанами поближе.

Знакомится, отдыхает. Мы в ожидании. Он разговоры разговаривает, – мы в напряге, когда же он взорвется.

Появляется белокурая любовь. Она на некоторое время отвлекает парня, готового взорваться. Мы отвлекаемся вместе с ними. Но все равно на чеку. Могут в самый неподходящий момент ворваться новые знакомые и устроить бойню, или белокурая любовь оказаться засланным агентом с подготовительной миссией по ликвидации центрального объекта города или для проникновения в правительственные структуры с целью полной деморализации армии и флота. У белокурых спутниц мускулистых парней обычно очень нелегкие задачи.

Но нет. В этот раз все обошлось, и парень остался цел и невредим. Даже никого не убил. Хотя были такие, кто

очень его просил. Но он даже их не убил. И тех, кто ему не нравился, тоже оставил. Белокурая любовь перешла на его сторону и не стала продолжать свою подрывную деятельность. Они раздобыли много денег (каким-то хитрым, но законным путем) и уехали на острова трудиться в своем кафе на берегу. У всех американцев, наверное, мечта завести собственную забегаловку на островах. Можно сделать такой вывод. А можно его и не делать.

Пошли титры, народ поднялся и потянулся к выходу. Мы с Веркой сидим, музыку слушаем и ждем, когда толпа поредеет.

– Нормальный фильм, – говорит Верка.

– Ага, – соглашаюсь я.

– Во всяком случае, лучше, чем смотрели на прошлой неделе.

– По мне, так такой же.

– Тебе все не нравится, – обижается она.

Верка любит ходить в кино. Это ее хобби, – чтобы народа много и все одно произведение созерцали. Коллективный просмотр ей больше по душе, чем домашнее видео. Я с ней хожу иногда, если она никого получше в компанию не найдет.

Выходим на свежий воздух, уже потемнело, фонари горят, приятная осенняя прохлада. Верка потянулась, огляделась по сторонам и кого-то заметила.

– Привет, – направились она к молодым людям.

– О, Верка, здорово, – парень, похоже, рад. Высокий, нарядный. С ним еще один такой же высокий и нарядный. Они смотрят на меня, потом опять на нее. – В кино собрались?

– Дааа, – неопределенно тянет Верка, оборачивается на меня, и делает губами и глазами столько движений, что я понимаю, – надо молчать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.